

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть III

(доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

БУХАРА ВРЕМЕНИ ИБН СИНЫ

Время Ибн Сины замыкает собой два века стремительного взлета науки на Ближнем и Среднем Востоке, которые А.Мец соблазнился назвать "Ренессансом ислама". В самом деле, трудно удержаться от громких эпитетов, говоря об эпохе, когда в Средней Азии одновременно жили два таких титана, как Ибн Сина и ал-Бируни, но при этом следует учитывать, что именно в это время начинается перелом в интеллектуальной жизни общества, начало ее упадка, из-за которого в течение нескольких последующих веков здесь не появилось ни одного значительного ученого.

Упадок естественных и точных наук после XI в. характерен для всего мусульманского Востока, и его объясняют усилением религиозной идеологии, враждебной точным наукам; однако сами причины ее усиления требуют глубокого анализа. Для этого необходимо учесть сложный комплекс социальных, экономических и идеологических проблем. Отсутствие единой обязательной позиции, определявшейся в христианстве постановлениями соборов и папскими посланиями, допускало в мусульманском мире значительное разнообразие точек зрения, выраженное порой в таких нюансах, которые мы часто не в состоянии адекватно воспринять и оценить.¹ Резкие оценки и обвинения в неверии, встречающиеся в средневековой религиозно-философской полемике, не всегда можно принимать за господствующее мнение. Словом, для понимания того, как формировались научные убеждения и интересы ученого той эпохи, нам не достает всестороннего знания характера ее духовной жизни.

Даже в случае с Ибн Синой, располагая редчайшим документом — записью его рассказа о первой половине жизни, сделанной его верным учеником ал-Джуаджани,² мы остаемся в неведении, что случайно и что закономерно в его научной биографии, какие именно научные свершения воспринимались им и его современниками как открытия.

Во многих исследованиях жизни Ибн Сины подчеркиваются его атеизм и враждебное отношение к нему мусульманских ревнителей веры. Но был ли Ибн Сина подлинным атеистом, или только казался таким наиболее рьяным поборникам благочестия? Ответить на это можно только зная систему представлений значительной части мусульманских ученых, ибо резкие обвинения и преследования были

уделом не столько атеистов, сколько инаковерующих. Что же касается Ибн Сины, то даже крупнейший критик его философских взглядов, ал-Газали, не мог упрекнуть его в безверии и лишь осуждал за употребление вина.³

Вопрос о религиозных убеждениях Ибн Сины, как и многие другие неясные вопросы его жизни и творчества, еще ждут обширного исследования, мы же ограничимся в данной статье более скромной задачей: попытаться представить некоторые стороны жизни Бухары в последние 20 лет правления Саманидов, когда Ибн Сина сформировался как личность и ученый.

Как известно, Абдаллах, отец Хусейна Ибн Сина, был малым чиновником, скорее всего по финансовому ведомству, что не пользовалось уважением благочестивых мусульман, но давало средства для безбедного существования. Послужив в Бухаре, он получил самостоятельный пост в селении Хурмитан, а затем, женившись, переселился в административный центр округа, городок Афшину, где и родился Хусейн.

Афшина относилась к числу бывших диоканских резиденций, которые с возвышением Бухары после арабского завоевания постепенно утрачивали прежнее политическое значение (подобно Вардане, Рамитану и Варахше), превращаясь в захолустные административные центры. Наиболее подробные сведения о ней мы находим у Наршахи: "Афшина. Имеет большой шахристан и мощную городскую стену;⁴ ей подчинен округ. Один день в неделю в ней бывает базар. Обработанные земли и пустоши этого селения являются вакфом ищущих знания...⁵". Спустя сорок лет ал-Мукаддаси считал возможным сказать о ней всего несколько слов: "Афшина. В западной части /оазиса/ много газиев,⁶ обширный круг; чистая"⁷. Мукаддаси считал Афшину городом, но сам Ибн Сина, вспоминая ее, называл "селеньем".

В этих маленьких городках причудливо переплеталась согдийская старина и мусульманская новь. В Афшине стояла мечеть, построенная Кутейбой ибн Муслимом, привлекавшая богомольцев даже из Бухары⁸, а в окрестных городках, (и, быть может, также в Афшине) открыто справляли домусульманские праздники⁹, а кое-где арабский и персидско-таджикский язык еще не вытеснили согдийский¹⁰.

Бухарский оазис занимал своеобразное положение: он был старым оплотом ислама, расположенным казалось бы в самом сердце мусульманской Средней Азии, а в то же время на его границах

шла непрерывная борьба с кочевниками-язычниками. Укрепление государства при Исмаиле Самани, позволившее последнему отказаться от поддержания стены вокруг оазиса и произнести знаменитую фразу "Я - стена Бухары", не означало прекращения этой борьбы. Вокруг Пайкенда по крайней мере до середины X в. в крепостях-рибатах несли караул газии¹¹. Все это поддерживало особую воинственность духа бухарских мусульман.

Около 984 г. семья Ибн Сина переехала в столицу. Поскольку отец, по-видимому, не занимался ремеслом или торговлей, то такой переезд должен означать, что ему удалось получить место в центральном ведомстве. Не исключено и то, что он хотел дать детям лучшее образование, чем его можно было получить в провинциальном городке.

Саманидская столица в ту пору была одним из крупнейших городов Средней Азии и превосходила по величине многие знаменитые города Ближнего Востока, такие как Дамаск, Иерусалим и даже Александрия. Подробные описания Бухары у Наршахи и ал-Истахри позволяют достаточно хорошо представить облик города детских и юношеских лет Ибн Сина¹².

Ядром города был домусульманский шахристан, расположенный на высоком холме, образованном многовековыми наслоениями, пересеченный накрест двумя основными магистральями. Такие перекрестки, называвшиеся Чахарсу (Чорсу) или по-арабски "мурабба'а", обычно были центром торговой жизни города, но в Бухаре основные базары находились на юге и юго-востоке от шахристана. Холм древнего шахристана и сейчас отчетливо заметен, особенно его западный склон обращенный к Арку, а на перекрестке в XVI в. был построен купол Таки Заргаран.

Торговая аристократия, менялы, торговцы пряностями и тканями располагались на юг от шахристана, между сохранившейся до наших дней мечетью Магаки Аттари и куполом Таки Саррафан ("купол менял"). Далее на северо-восток шли обувные, зеленные и другие менее значительные торговые ряды¹³.

Другим оживленным местом Бухары был район от юго-западного угла шахристана до Регистана (сохранившего название до наших дней), где находился дворец Саманидов, присутственные места (диваны), соборная мечеть и государственная ткацкая мастерская (тир-рәз), возможно, что здесь же были и лавки книготорговцев, которые упоминает Ибн Сина¹⁴.

На восток от шахристана, между ним и позднесредневековым кладбищем Нурабад, находился аристократический район Кушки Мутан ("замки магов"), в котором до конца IX в. в замках среди садов жили потомки джханов, выселившихся из города после прихода арабов и долго сохранявших верность зороастризму. При Саманидах его облюбовала новая знать и гвардейцы-гулямы, платившие огромные деньги за удовольствие и честь жить в этом районе — до 4000 дирхемов за дюфти гов.¹⁵ О прежних обитателях в конце X в. напоминали только названия "Кушки мутан", "Сикка мутан" (Улица магов), Ворота улицы магов и Квартал джханов¹⁶.

Центральную часть города, прилегающую к шахристану, охватывала стена, сооруженная в 849–50 г. Местоположение некоторых из ее XI ворот обозначено древними кладбищами¹⁷, но сведения письменных источников настолько неясны, что провести с уверенностью ее контур не представляется возможным, а иногда даже высказывается сомнение в ее существовании.¹⁸

При Саманидах Бухара значительно выросла. Новая стена (письменные источники молчат о времени ее строительства), по свидетельству ал-Истахри, охватывала территорию в полфарсаха,¹⁹ что у средневековых авторов при приблизительной оценке размеров городов обычно соответствует не 3, а примерно 2, (а то и меньше) км. Действительно, от западной границы города, проходившей вплоть до XVI в. по линии проспекта Хлебон, образовавшегося после сноса стены²⁰, до восточной, проходившей восточнее мадресе Каллабад²¹, несколько более 2 км. На севере и на юге границы Бухары примерно совпадали со стеной позднесредневекового города.²²

В этих пределах Бухара занимала площадь около 375 га, вмещающая примерно 40–50 тыс. жителей.²³ Но это население распределялось очень неравномерно: на периферии было много садов, а в центре, в шахристане, куда не доходили каналы, дома стояли сплошными массивами без всякой зелени и даже без дворов, как в Самарканде того же времени²⁴.

По счастливому для нас совпадению почти в те же годы, когда семья Ибн Сины переселилась в столицу, Бухару посетил замечательный арабский географ ал-Муаддаси, оставивший красочное ее описание.²⁵

"Нумуджас — столица Бухары.²⁶ Он напоминает Фустат гнильностью и чернотой почвы и обширностью базаров и похож на Дамаск постройками и окрестностями, и теснотой домов и многочисленностью балконов. Он расположен на равнине, каждый день увеличивается, и не видел я в неарабских странах более застроенной и более густо

населенной медины. У нее семь ворот, обитых железом: ворота Нур, ворота Подкона, ворота Железные, ворота Кухендиза, ворота Бану Са'д, ворота Бану Асад, ворота Медины. А за ней находится кухендиз,²⁷ которым владеют правители, в нем их сокровища и темницы. У него двое ворот: ворота Равнины и ворота Соборной мечети. А соборная мечеть находится в медины, в ней несколько чистых дворов, все эти дворы и все его мечети - великолепны, а все базары - приятны.

А у расада - 10 ворот /даро/²⁸: даро ал-Майдан, даро Ибрахим, даро Мардакман, даро Калабаз, даро Наубахар, даро Самарканд, даро Фегаскун, даро ар-Рамисания, даро Хадшарун, даро Гушадж и тянется от них застройка. А внутри их другие 10 дарбов, которые были застроены в древности, названия которых из них различны.

А царский дворец находится на равнине лицом к кухендизу и спиной к кибле.²⁹ И не видел я в странах ислама портала величественнее и внушительнее, чем портал /этого дворца/. И нет в этой стране /иждим/ города более застроенного и более беспокойного для его жителей, чем этот.

Он благословен для того, кто стремится в него, добычливый для того, кто ищет в нем пропитания, добрый к тому, кто живет в нем. В нем кушанья приятные и бани опрятные, и улицы широкие, воды пресные, а постройки прелестные. Он - друг в пропитании и средствах существования, в нем много фруктов и ученых собраний. Сообщества их поразительны, а у простого народа есть знание фихка и воспитанность. В нем много подвижников и мало невежд. Он - местопребывание царей ислама и средоточие основательных ученых, обучают там только факихи и комментаторы Корана. Не увидишь в нем сборщика податей и торговых сборов. Они /жители/ наслаждаются справедливостью султана и пользуются безопасностью и благодеяниями.³⁰

Но только дома в нем тесные, пожары частые, он вонючий, блошиный, то жаркий, то холодный; колодцы соленые, каналы порицаемые, отхожие места отвратительные, характер дикий, жилища дорогие, тины³¹ дунные, педерастия явная. Он - нужник этого края и самый тесный из городов Востока.³² Приезжают в него люди, открыто нарушающие мораль, скверные в общении,³³ не уважающие общину, и появляются там слуги, которые надевают шелк и парчу, носят из золотых и серебряных сосудов и пренебрегают делами веры.³⁴

Этот облик богатого и грязного, гордого своей славой и неудобного для жизни города Бухара сохранила до начала XI в. Разница, по-видимому, была только в том, что в X в. сюда стекалась обильная масса денег, чем при последних бухарских эмирах, так как Саманиды распорядились значительно большей территорией. Эти деньги, превращавшиеся в жалование армии и чиновничества, сулили торговцам и ремесленникам надежные заработки и высокие прибыли и привлекали сюда искателей карьеры.

Многочисленность населения способствовала дифференциации его деятельности, узкой специализации торговли и ремесла. В крупнейших городах, таких как Капр-Фустат и Багдад, насчитывалось более двухсот различных профессий (включая сюда всякого рода обслуживающую деятельность, вплоть до гадалщиков и толкователей снов). Наиболее массовые ремесла и виды торговли имели свои специализированные базары, по которым иногда назывались кварталы и целые районы города, но, по-видимому, нигде не было жилых кварталов, заселенных представителями одной профессии.

Насколько мы можем судить об облике среднеазиатских городов этого времени по археологическим данным, процесс обособления кварталов, сворачивания их вовнутрь, спиной к улице, еще только начинался. В центре города дома, почти не имевшие дворов, выходили прямо на улицу, но на окраинах с более свободным расселением и более замкнутым образом жизни обособление отдельных групп домов могло начаться раньше, особенно у иноверческого населения. Интенсивность образования самодовлеющих кварталов зависела от степени безопасности в городе: чем беспокойнее была жизнь, чем чаще приходилось прибегать к самообороне, тем быстрее они обособлялись.

Бухара при Саманидах, кажется, не знала острых внутригородских распри. Ал-Мукаддаси, говоря о борьбе территориальных и религиозных группировок горожан во многих городах Хорасана и Средней Азии, обходит Бухару молчанием. Видимо, господство суннитов было настолько подавляющим, что его никто не пытался оспаривать.³⁵ Это не значит, конечно, что в Бухаре не было острых социальных конфликтов, они до поры сглаживались привилегированным положением жителей столицы. Слова ал-Мукаддаси, что в Бухаре не увидишь сборщика торговых налогов, вряд ли случайны, за ними скрывается особая политика Саманидов в отношении жителей столицы.

По представлениям мусульманских правоведов, с торговцев-мусульман полагалось брать только закат, благотворительный сбор в пользу нуждающихся, в размере 2,5 %, сбором и расходованием

которого должны вестись не государственные чиновники, а кади или иной представитель общины. В действительности же всегда существовали различные другие обзоры, представлявшиеся горожанам несправедливыми и незаконными. Тот же ал-Мукаддаси отмечает, например, очень высокие торговые сборы в Иерусалиме. Саманиды, как видно, обходились без такого обложения и тем обеспечивали себе долгое время благосклонность населения страны.

Бухара, как и другие города мусульманского мира, не имела органов самоуправления. Все стороны жизни города вплоть до организации торговли контролировались и управлялись государственным аппаратом, а благоустройство всецело зависело от благотворительности государя или городских богачей. Так, при ал-Мукаддаси ремонт ирригационных сооружений в Бухаре, разрушенных паводком, взял на себя известный хадисовед Абу-л-Аббас ал-Йаздади.³⁶ Обычно организатором важнейших работ в городе становился кади, который и в других случаях оказывался высшим представителем горожан перед властями. В более позднее время во многих городах Хорасана упоминаются старшины города, райсы, из числа почетных горожан, утверждаемые на этом посту государством, но их функции и пределы власти остаются неясными.

В этих условиях в мусульманских городах была очень велика роль лиц, которых современные социологи называют неформальными лидерами. Основная масса их происходила из среды мусульманских правоведов и богословов.

Называть их "мусульманским духовенством" можно только очень условно, так как большинство мусульманских priests и богословов сочетало свои занятия религиозными науками с торгово-ремесленной деятельностью, не составляя особого сословия³⁷. Истолкование догматов религии и этико-правовых установлений принадлежало не государственным и церковным учреждениям, а неслужащим горожанам, частным лицам, знания которых в области религиозных наук признавались окружающими достаточными для вынесения собственного суждения. Неофициальность их мнений особенно импонировала собратьям по классу. Парадоксальность мусульманского права состояла в том, что государство теоретически не имело законодательной власти и роль неофициальных лиц, частных правоведов-факихов могла быть выше, чем государственных деятелей.³⁸

Все столпы шариата были горожанами, торговцами и ремесленниками, поэтому все этико-правовые сочинения наполнены апологией торгово-ремесленной деятельности как единственного честного способа приобретения средств существования, в противоположность ка-

лованию на государственной службе³⁹. Достижение материального достатка, необходимого для независимости мнения и не омраченных заботами размышлений о религии, возводилось ими в ранг религиозной обязанности. Обычных для феодальной этики проблем соотношения обязанностей вассала и сизерена для факхов-горожан вообще не существовало. Шариа́т, с известными оговорками, можно считать идеологией горожан, моральной и организующей силой в их пассивной и активной борьбе против феодальных правителей. А идеалом, за который они боролись, была свобода торговли и ремесленной деятельности в рамках материальных и моральных обязательств, налагаемых шариа́том. Все разногласия многочисленных школ и направлений суннизма и шиизма лежали в сфере обрядности, теологии и проблемы наследования духовной власти над общиной, мало затрагивая социально-экономическую сторону правового учения. По-видимому, даже исмаилизм, которому остальные мусульмане (а за ними и некоторые современные историки) приписывали отвержение шариа́та, не имел в этом отношении существенных отличий.

Влияние мусульманских ученых определялось их организующим родством с теми группами городского населения, из которых они вышли. Завоевать их значило завоевать сердца горожан. Саманиды прекрасно понимали это и оказывали им всяческое внешнее почтение. "К их обычаям относится то, что они не заставляют людей знания⁴⁰ целовать землю. В течение всего месяца рамадана они по вечерам устраивают собрания для диспутов в присутствии султана. Он начинает, задает вопрос, а затем его обсуждают ... У них нет обычая устраивать трапезу простонародью, но когда хотят оказать честь кому-нибудь, то вазир, который управляет делами, сажает его за стол с ними, как это сделали с Абу-л-Аббасом ал-Йавдади.⁴¹ А иногда в важных случаях они беседуют с посланцами, как беседовали с шейхом Абу Салихом, когда послали его к Абу-л-Хасану Главнокомандующему.⁴² Они всегда выбирают самого сведущего в фиххе, какой есть в Бухаре, и самого благочестивого, возвышают его, испрашивают его мнения, удовлетворяют его нужды и ведут дела так, как он скажет, - такого, как шейх, славный именем Мухаммад ибн Фади⁴³".

Очень часто занятия фиххом становились семейной традицией и возникали настоящие династии. В Бухаре IX-X в. большим авторитетом пользовались три поколения рода Абу Хафса, получившего эпитет Великий. Его сын Мухаммад сыграл важнейшую роль в создании общественного мнения в пользу приглашения Исмаила Самани в Бухару⁴⁴, а его внук упоминается в 30-х годах X в. как важнейший

авторитет в делах правоверия⁴⁵. Некоторые факихи меняли за свою жизнь несколько должностей. Так, Абу Наср Мансур ал-Харби, упоминаемый среди почтеннейших бухарцев своего времени⁴⁶, был сначала кади Ферганы, затем помощником градоначальника (хакима) Нишапура, а после смерти Мухаммада ибн Фадла стал мухтасибом Бухары⁴⁷.

В конце концов такие деятели сливались с бюрократией и переставали быть выразителями мнения среднего слоя горожан, но на смену им из среды горожан поднимались новые знатоки религиозной истины, авторитет которых в глазах горожан не уменьшался из-за отсутствия громких титулов, ибо уважалось знание, с нашей точки зрения, схоластическое и никчемное, но составлявшее важнейшую часть духовного существования людей той эпохи. Поставить передачу религиозных знаний под контроль государства удалось лишь в следующем столетии созданием широкой сети специальных высших школ — медресе.

Отношения между Саманидами и властителями дум горожан, не всегда были идеальными. С одной стороны, государи, оказывая им знаки внимания, считали возможным обходиться без их услуг: например при ал-Мукаддаси в отсутствие проповедника в соборной мечети Бухары хутбу провозглашал начальник полиции. С другой стороны, официально утвержденные лица теряли для горожан прежний авторитет. Это, как известно, сыграло решающую роль в последние дни Саманидов, когда Бухарцы не вняли призывам официальных хатибов помочь династии: "когда простой народ услышал это, то обратился к своим факихам и испросил фетву относительно участия в сражении и те запретили им это"⁴⁸.

Этот текст, впервые исследованный В.Р.Розеном, мы можем теперь понять несколько конкретнее, чем прежде. Сейчас выясняется, что горожане были не просто неорганизованной массой с оружием, а имели особую вооруженную организацию аййаров (или фит-йан), которых прежде считали просто разбойниками и бродягами. Как оказалось, звание аййара считалось почетным и понятие "аййари" (аййарское поведение) было равнозначным рыцарственности⁴⁹. Аййары в Хорасане в XI в. упоминаются довольно часто, а в Саманидское время в Бухаре они названы лишь однажды, в связи с восстанием 930 г., когда их выпустили из тюрьмы. Сейчас в нашем распоряжении появилось еще одно и очень интересное свидетельство официального признания организации аййаров в Бухаре.

В опубликованной 20 лет назад, но еще мало известной у нас

антологии диковинных событий, "Китаб аз-заха'ир" ар-Рашида ибн Зубайра, сохранился полуполюгандарный рассказ о приеме в 327/939 г. в Бухаре Насром II посольства из Китая. Сюжет его таков: Насру поступил донос на какого-то нишапурского безбожника, его привезли в Бухару и поручили внуку Абу Хафса разобраться в его убеждениях; обвиняемому удалось бежать в Китай, стать там вазиром и убедить императора, что мусульманские страны легко завоевать; император направил посольство с провокационным требованием заплатить дань за 27 лет, но Наср устроил послам такой пышный прием и продемонстрировал столько войска, что устрешенные послы посоветовали императору принять ислам, что он и сделал⁵⁰.

Перед нами, несомненно, сильно романтизированный во славу ислама рассказ о посольстве ко двору Насра II, с которым уехал на Дальний Восток Абу Дулеф; возможно, что в основе рассказа лежит неизвестный отрывок из его записки⁵¹. И.Ю.Крачковский относил это событие предположительно к 331/942 г.,⁵² но теперь его можно точно датировать концом 938-939 г.

Для нас важен лишь один эпизод: встреча посольства горожанами. Для встречи посольства в Кермине был послан отряд добровольцев /ал-мутавви/ во главе с факихом Абу-л-Аббасом Ахмадом ибн Абд ал-Вахидом,⁵⁴ а бухарцам было приказано украсить город. Послы проследовали до Бухары и переночевали в поле, "а когда они проснулись и посмотрели, то увидели, что весь мир колыхается волнами с шумом и гамом, и были вынесены знамена /бунуд/ Бухары, а их в Бухаре 1700 знамен, и вышло с каждым знаменем от 200 до 1000 человек. (Это - только знамен аййаров, не считая значков /алам/ газиев. ... Повезли их /послов - О.Б./ на конях, а город был уже украшен, разукрасили его от начала до конца шатрами из кусков шелка, покрытыми драгоценными тканями, и вышли женщины и мужчины, чтобы посмотреть на них. Когда они доехали до ворот города /мадина/, то их спешили и повели пешком через весь город /балад/, пока они не дошли таким образом до равнины у Нахр ал-мавали"⁵⁵.

В этом рассказе сквозь фантастический сюжет и гиперболы проглядывают очень достоверные детали первоосновы, которые невозможно было выдумать.⁵⁶ Полагаться на цифры этого сочинения невозможно,⁵⁷ однако сам факт участия отрядов аййаров со своими знаменами в высокотожественной церемонии наряду с гвардией

и газиями не вызывает сомнения. Следовательно, ополчение горожан не было просто вооруженной толпой, а имело организованное ядро.⁵⁸ Можно понять, что отказ бухарцев поддержать Саманидов оказался роковым для династии.

Однако в ту пору, когда семья Ибн Сины переехала в Бухару, еще ничто не предвещало скорой катастрофы. Саманидский двор привлекал к себе искателей карьеры и деятелей литературы и искусства, которые в то время не могли существовать без меценатов. "И была Бухара в правление Саманидов средоточием славы и Ка'бой царства, собранием выдающихся людей эпохи, местом восхождения звезд образованности земли, ярмаркой замечательных ученых"⁵⁹.

Мы хорошо знаем, что саманидская Бухара являлась центром формирования новой литературы на языке парси и, действительно, стала "местом восхождения" нескольких классиков персидско-таджикской литературы, но все это было частным случаем более общего явления — словесность составляла основу придворного образования, с помощью которого можно было добиться жизненного успеха. Религиозные знания подразумевались сами собой, но большинство придворных нешло дальше необходимого минимума: изучения Корана и основ фикха, остальное было делом специалистов. В придворном обиходе требовалось другое: хорошие манеры, умение вести занимательную беседу, составить предельно лаконичное выразительное послание, основанное на игре слов или неожиданном повороте коранической цитаты⁶⁰. Хорошим панегириком и изобретностью канцелярского стиля можно было продвигаться в столице или добиться недурной должности в провинции, вроде начальника почты⁶¹, который получал то же жалование, что и наместник, но имел еще удовольствие присматривать за его благонадежностью.

В соответствии с этим строилась иерархия ценности наук. Все, что обеспечивало успех при дворе и входило в обязательное образование государей и аристократии: грамматика, стилистика, знание поэзии и истории, — ценилось выше, чем практические науки. Даже такой широко образованный человек, как Абу Хаййан ат-Таухиди, отдавал им предпочтение перед математикой⁶².

Только отдельные, наиболее широко образованные правители с природным влечением к науке в широком смысле слова выходили за рамки традиционных интересов и пристрастий. Тогда возникали такие грандиозные научные предприятия, как "Дом мудрости" ал-Мамуна в Багдаде и экспедиция по измерению градуса меридиана.

Но Саманиды не отличались особой любовью к этим наукам, хотя и собирали в свою библиотеку разнообразные книги по всем отраслям знания. Поэтому Бухара не привлекала к себе крупных математиков, астрономов или химиков. Если они и появлялись, то предпочитали искать более широкого поприща в других местах. Медицина также рассматривалась как обслуживающее ремесло, недостойное ни аристократа, ни особо благочестивого мусульманина. Показательно, что об одном из ученых саманидского круга, Абу-л-Хасане ал-Идриси, ас-Са'алиби пишет: "он занимался медициной и астрологией, но занятие, которое давало средства к существованию — его стихотворство"⁶³.

Общественное мнение широких городских слоев также прохладно относилось к математике и естественным наукам, остававшимся в лучшем случае безобидной забавой отдельных чудаков, вроде зеленщика, у которого Ибн Сина учился алгебре⁶⁴.

В исламе не было заложено враждебного отношения к определенным наукам и научным воззрениям, они формировались в соответствии со взглядами людей, разрабатывавших мусульманскую доктрину. А этими людьми, как мы уже говорили, были выходцы из среднего слоя торговцев и ремесленников, которые с активной недоброжелательностью относились ко всему непонятному и ненужному для них. Для них равно неприятным было и то, что они считали излишествами придворных, и необязательные для мусульманина занятия ученых. Естественно, что когда такие люди добивались до высоких постов или под их влияние попадали могущественные государственные деятели, то в их руках оказывались сильные средства воздействия на инакомыслящих. Именно так в мусульманском обществе, первоначально знавшем только запрещение идолопоклонства, постепенно сложилось отрицательное отношение к изображениям живых существ, поскольку для среднего слоя горожан живопись была таким же проявлением осуждаемой роскоши, как шелковая одежда у мужчин и золотая посуда.

Занятия языческими "греческими науками", ненужными для постижения божественных истин, стояли в глазах благочестивцев в одном ряду с такими прегрешениями, как игра в шахматы, пенье и слушанье музыки, ношение шелковой одежды или занятие живописью. Но если они были не в силах запретить могущественным вельможам и их окружению отказаться от таких удовольствий, то создать атмосферу подозрительности и недоброжелательства к ученым, не имевшим обычно высокого положения в обществе, было несложно. И чем далее, тем более одиозными становились такие науки.

Приход Караханидов означал не только превращение Бухары из столицы большого государства в провинциальный центр (что само по себе должно было вызвать отлив части образованных людей, кормившихся при богатом дворе Саманидов), но и торжество ортодоксии. Бухарские факихи недаром отметили в своей фетве относительно войны с Караханидами их "хорошую веру"⁶⁵: турецкие ханы, сильно уступавшие Саманидам по культурному уровню, смотрели на местных богословов и факихов с куда большим почтением, чем прежние правители, допускавшие их до себя, но не подчинявшиеся. В новой ситуации факихи стали полными хозяевами общественного мнения.

В этих условиях занятия в Бухаре философией и логикой, особенно привлекавшими Ибн Сину, без могущественных покровителей становились затруднительными. К тому же у него, по всей видимости, не было состояния, достаточного для экономической независимости, а административная служба "у султана", о которой он сам глухо упоминает⁶⁶, оказалась неудачной⁶⁷. После смерти отца Ибн Сину уже ничто не удерживало в Бухаре. Ему не приходилось долго думать над выбором: искать покровительства у могущественного, но пренебрежительно относившегося к ученым Махмуда Газнави, или ехать к хорезмшаху, у которого собрался кружок талантливых ученых, близких Ибн Сине по взглядам — он выбрал второе.

Так кончился бухарский период жизни Ибн Сины, сформировавший его как мыслителя, и начались годы странствий, годы славы и преследований, взлетов и падений.

¹ Ср. разнообразные толкования понятия "знание" мусульманскими учеными: Ф.Роузентал. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе, М., 1978.

² К этой записи восходят обе версии биографии Ибн Сины: см. *Tatimmat al-ḥikma, ta'līf al-ḥimām Zaḥīr ad-dīn... 'Alī al-Bayḥaqī, Dāḫūr, 1351*; *Ḥim al-Qiftī's Ta'rīḥ al-Nuḥama'. Auf Grund der Vorarbeiten A.Müller's hrsg. J.Lippert. Leipzig, 1903.*

³ На это указывает А.В.Сагадеев, см. его примечание в кн.: Ф.Роузентал. Торжество знания, с.337.

⁴ В тексте *حصار*, что может означать и цитадель, и просто любую крепостную стену. У Наршахи при описании селений оазиса цитадель всегда называется *كندز*, а *حصار*, как несомненно является из описания Варданы (там же), — городская стена.

5 Та'рих=и Бухара, тасхих=и мударрис=и Ридайи, Тихран /I318/, 18. Под "ишущими знания" (طلبه علم) могут подразумеваться не только учащиеся, но и мусульманские ученые, которые всю жизнь "ищут знания".

6 Добровольцы, сражающиеся с язычниками.

7 Descriptio imperii moslemici auctore ... al-Mokaddasi. - Bibliotheca Geographorum Arabicorum ed. M.J.De Goeje. III. Lugduni Batavorum, 1877, с.282.

8 Та'рих=и Бухара, с.18.

9 Абурейхан Бируни (973-1048). Избранные произведения. I. Памятники минувших поколений. Пер. М.А.Салье. Ташкент, 1957, с.254-255.

10 Ал-Мукаддаси, с.335-336.

11 Al-masalek wal mamalik by Istakhry re-edited by Muh. G.Abd el Aal el HInI, Cairo, 1961, с.175; Та'рих=и Бухара, с.22; ср. также: ал-Мукаддаси, с.282.

12 О.А.Сухарева. К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958, с.13; А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков. Средневековый город Средней Азии, Л., 1973, с.232-254.

13 Любопытно, что не только торговцы пряностями и парфюмерией и менялы, но и торговцы обувью вплоть до начала ХХ в. продолжали торговать примерно на тех же местах. См. Л.И.Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке (Материалы по планировке старой Бухары). - Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962, с.239.

14 Ibn Abi Usaibia hrg. von A.Müller. Königsberg, 1894, с.3; ал-Кифти, с.415.

15 Площадь, которую пара быков может обработать за день (0,4-0,5 га) или за сезон (7-12 га). Последняя мера употреблялась в Средней Азии в XIX в. (В.Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Е.А.Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, с.122-123), но земля в городе никогда не измерялась такими большими единицами, поэтому здесь речь идет о 0,4-0,5 га.

16 Название Кули Дехкан сохранилось в вафийной грамоте 1407-

8 г., позволяющей локализовать этот квартал в гузаре Мулло Пайрави (О.А.Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976, с.295, 300), на территории бывшего шахристана, а не восточнее его. Однако, судя по Наршахи (Тарих-и Бухара, с.68), Куи Муган (Сижка муган), явно находившаяся вне шахристана, не отделялась стеной от Куи дикханан. Возможно, с X до XV в. несколько изменился объем местности Куи дикханан (Куи дехкон).

17 В.А.Шилкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с.18-19.

18 Реконструкция, предложенная автором данной статьи (Средневековый город..., рис.95), вызвала ряд возражений (Е.А.Давидович. Дискуссионные вопросы в кн.: А.М.Беленицкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большаков "Средневековый город Средней Азии". - Древность и средневековье Средней Азии, М., 1978), которые автор с благодарностью принимает в той мере, в какой они помогают исправить фактические ошибки и слабые места аргументации, но остается при прежнем мнении о расположении стены южнее канала Шахруд.

19 Во всех арабских рукописях географий ал-Истахри и Ибн Хаукаля - фарсах, диаметр города в полфарсаха указывается только в персидском переводе (Масалик ва мамалик, та'лиф Абу Исхак Ибрахим Истахри, тарджаме-и фарси аз карн-и 5/6 хиджри. Тихран, 1340, с.239), ему приходится отдать предпочтение, потому что Бухара явно никогда не простиралась на 5-6 км и, кроме того, при переписках и переводе слово "половина" скорее пропало бы, чем появилось там, где его не было.

20 О.А.Сухарева. Бухара XIX-XI века (Позднефеодальный город и его население), М., 1966, с.31; О.А.Сухарева. Квартальная община..., с.150.

21 О.А.Сухарева. К истории городов..., с.53-56; Она же. - Квартальная община..., с.296-301.

22 Именные ворота рабада Бухары, Ворота Ибрахима, упоминаемые Кубави (ал-Истахри, с.62), находились около поздних ворот Намазгах (О.А.Сухарева. К истории городов..., с.36), на севере же холм с могилой Абу Хафса всегда был вне города.

23 Ранее указывалась несколько большая площадь (400-450 га) вычитанная по недостаточно точным планам (Средневековый город,

с.247, 265), но это исправление не влияет на прежнюю оценку численности населения, поскольку соответственно уменьшается и площадь мангытской Бухары, по данным которой определялась плотность населения.

24 Г.В.Шинкина. Городской квартал УШ-ХІ вв. на северо-западе Афрасиаба. - Афрасиаб, в.П, Ташкент, 1973.

25 Пребывание ал-Мукаддаси в Бухаре приходится на 983-985 гг., так как в 984 г. он проезжал через Серахс (ал-Мукаддаси, с.65).

26 Первоначально Бухарой называлась вся область, затем ее название перешло на столицу ("столица Бухары"), и только после X в. собственное имя города забылось совершенно.

27 Кухендиз - цитадель.

28 Дарб - улица и одновременно ворота на ней.

29 Кибла - направление в сторону Мекки. В Средней Азии мечети ориентированы на запад - юго-запад.

30 Текст, заключенный в звездочки, взят из Стамбульской рукописи.

31 Тим - караван-сарай или здание торговых рядов.

32 Под Востоком разумеется восточная часть мусульманского мира.

33 معاملات, можно также понимать как "торговые сделки".

34 Ал-Мукаддаси, с.280-281.

35 События, связанные с принятием карматства Насром II и его окружением недостаточно ясны, но и тогда резкое изменение религиозно-политической ориентации и последующие репрессии сторонников карматов не сопровождались вооруженной борьбой между различными группами горожан.

36 См. о нем: The Kitāb al-Ansāb of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Samānī reproduced in facsimile... by D.S.Margoliouth. Leiden-London, 1912. (Gibb Memorial Series, XI), с.599a.

37 H.Cohen. The economic background and the secular occupations of muslim jurists and traditionists in the classical period of islam. - Journal of economic and social history of the Orient, v.13, 1970.

- 38 Сказанное относится к периоду до XI в.
- 39 См.: S.D.Gelstein. The rise of the near-eastern bourgeoisie in early islamic times. - Cahiers d'histoire mondiale, III, 1957, № 3.
- 40 Личью знания (ахл ал-'илм) называли не всех ученых, а только занимавшихся религиозными науками, прежде всего - фихком.
- 41 Хадисовед, ум. в 409/1018-19 г. (ас-Сам'анӣ, с.599а)
- 42 Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Сиджурӣ, наместник Хорасана, носивший титул Сахӓб ал-джайл.
- 43 Мукаддаси, с.339; Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Фади ал-Хатӓб, в последний период жизни был мухтасибом Бухары (Al-Ansab by al-Imam Abi Saad Abdul Kareem b.Muhammad al-Sam'ani, v.IV, Ed. by Abdur Rahman b.Yakub al-Mu'allami al-Yamani, Hyderabad, 1964, с.
- 44 Средневековый город..., с.324-325.
- 45 Аз-захӓ'ир ва-т-тухаф ли-л-кадӓ ар-Рашид ибн Зубайр... хаккакаху Мухаммад Хумайдаллах, калӓма лаху ва раджа'аху Саӓлах ад-дин ал-Мунаджид, ал-Кувайт, 1959, с.140.
- 46 Мукаддаси, с.339, прим. h.
- 47 Al-Ansab by ... al-Samani, IV, с.115-116.
- 48 The eclipse of the Abbasid Caliphate. Oriental chronicles of the fourth islamic century. Ed.H.F.Amedrez and D.S.Margoliouth, v.III, London, 1921, с.374.
- 49 Средневековый город..., с.344-346.
- 50 Аз-захӓ'ир, с.139-151.
- 51 В известных до сих пор отрывках Первой записки Абу Дулефа нет сведений о прибытии посольства в Бухару.
- 52 И.Д.Крачковский. Избранные сочинения, т.IV, М.-Л., 1957, с.186.
- 53 327 г.х. = 3I.X.938 - 17.X.939 г.
- 54 В тексте: Абу Ахмад ибн Абд ал-Вахид, с явным пропуском части куньи. Полное имя и сведения об этом деятеле - Al-Ikmal by al-Amir al-Hafiz Abi Nasr Ali b.Hibatullah Ibn Makala (d.1005 A.D./475), v.I, Hyderabad, 1962, с.448, прим.3.
- 55 Аз-Захӓ'ир, с.145.

56 Упоминается неизвестное по другим источникам селение между Кермине и Дабусийей (اشروئسي), приводится имя малоизвестного бухарского факха, командовавшего добровольцами, и, наконец, впервые приводится арабское название загородной резиденции Саманидов, Нахр ал-Мавали, известное в персидском варианте Джун Мулиян.

57 Сама тема антологии — рассказы о самых богатых добычах, о самых дорогих подарках и наследствах и т.д. — толкала составителя на преувеличения. Поэтому, например, дань в 60000 дирхемов, которую обязались платить жители Мерверруда арабам (ал-Балазурй, с.406), превратилась у него в 60 "тысяч тысяч" (аз-Захй' ир, 246). Точно также 1700 отрядов айбаров даже по 200 человек составили бы гигантскую армию в 340000 человек, превышавшую численность взрослого мужского населения всего оазиса. Заманчиво в цифре 1700 видеть число всех айбаров Бухары (примерно 20 % взрослого мужского населения города, если исключить гвардию и придворных).

58 Видно, за айбарами закреплялись отдельные участки обороны городской стены, на что указывают названия "Башня айбаров" в Самарканде XI в. и Бухаре нач. XV в. (Средневековый город..., с.342).

59 Йатйма ад-дакр фй махасин ахл ал-'аср ли-Абй Мансур ... ас-Са'йлюй, Хактакаху ва фассалаху ва дабатаху ва шарахаху Мухаммад Мухйй ад-дин 'Абд ал-Хамйд, дж.4, Миср 1377, с.101.

60 Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной, М., 1963, с.38-47.

61 Йатйма, 4, с.134, 154.

62 Китаб ал-имта' ва-л-му'анаса, та'лиф Абй Хаййан ат-Таухидй ва хува маджму' мусаммат фй фунун шита ... ал-джуз' ал-аувал, саххахаху ва дабатаху ва шараха гарйбихи Ахмад Амйн ва Ахмад аз-Зин, Байрут-Сайдй, /1953/, с.96-104.

63 Йатйма, с.157.

64 ал-Байхавй, с.40.

65 The eclipse..., с.374.

66 Ибн Абу Усайбийя, с.4; Ибн ал-Кифтй, с.345.

67 Вероятнее всего, что он находился на службе у Мунтасира, последнего борца за власть Саманидов; тогда понятно, что после его ухода из Бухары административная карьера Ибн Сины окончилась. Но нельзя также исключить службу у местного караханидского владетеля.

А. Б. Халидов

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИБН СИНЫ (980-1037).

О жизни и деятельности Ибн Сины известно очень многое, гораздо больше, чем о других ученых средневекового Востока. Мы обязаны этим прежде всего трем биографическим сводам, содержащим по обширной статье про Ибн Сину, — ал-Байхакӣ, ал-Кифтӣ и Ибн Абӣ Усайбӣ¹. Самый ранний из них, труд ал-Байхакӣ относится к середине XII века, т.е. написан сто с лишним лет после смерти Ибн Сины; хорасанец ал-Байхакӣ преимущественно жил в Нишапуре и встречал людей, которые через два-три поколения помнили некоторые рассказы об Ибн Сине и считали себя последователями его школы. Труд ал-Кифтӣ был создан в середине следующего (XII) века, в Халебе, т.е. в значительном отдалении от тех мест, где протекала жизнь Ибн Сины, но его биографическая статья по полноте и точности данных не уступает статье предыдущего а в литературном отношении превосходит. Ибн Абӣ Усайбӣ а писал ненамного позднее ал-Кифтӣ и тоже в Сирии (Дамаск), но почти целиком зависит от него; ценность его сведений определяется тем, что ему был доступен оригинал труда ал-Кифтӣ, который до нас дошел в сокращении, также сделанном еще в XIII в. Немаловажно что все три статьи включают в себя перечень трудов Ибн Сины. Можно сказать, что эти источники в основном совпадают и лишь в деталях расходятся или друг друга дополняют; тому есть легко объяснимая причина.

Ал-Байхакӣ и независимо от него ал-Кифтӣ пользовались одни и тем же более ранним источником, не дошедшим до нас описанием жизни Ибн Сины, которое было составлено его преданным учеником ал-Дхузайкӣ. Последний встретил Ибн Сину в 32-летнем возрасте

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

О. Г. БОЛЬШАКОВ

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ДОЛИНЫ ЗЕРАВШАНА В IX—X вв.

Вопросы исторической топографии, особенно топографии феодального города Средней Азии, всегда были близки А. Ю. Якубовскому. Они затрагиваются почти во всех работах, касающихся Средней Азии: будь то отчет об экспедиции или исследование, посвященное проблеме возникновения и развития феодального города. Настоящая статья является попыткой внести некоторые уточнения в форме кратких заметок к известным ныне сведениям по исторической топографии долины Зеравшана — района, для изучения которого много сделано А. Ю. Якубовским.

1. САМАРКАНД

Ни один город Средней Азии не привлекал такого внимания археологов и историков, как Самарканд. Но, несмотря на то, что со времени первых археологических работ на Афрасиабе прошло 70 лет, топография домонгольского города до сего дня остается довольно неясной. Во многом это объясняется тем, что со времени выхода в свет работы В. В. Бартольда¹, в которой были исследованы все известные тогда письменные источники, никто не решился пересмотреть серьезно хоть часть их, сопоставив с новейшими данными. Несомненно, что В. В. Бартольд в то время был недостаточно знаком с местностью, и поэтому многие возможности в истолковании текстов должны были неминуемо ускользнуть от него; впоследствии он писал², что на многое в исторической топографии Самарканда ему открыла глаза работа «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» В. Л. Вяткина³. Однако эта работа касалась послемонгольского Самарканда и мало что давала для топографии предшествующего периода. Единственным значительным трудом, посвященным этой теме в последние годы, является статья М. Е. Массона о периодизации древней истории Самарканда⁴.

Хорошо известно, что город состоял из цитадели, внутреннего города — «медины», или шахристана, и рабада — торгово-ремесленного предместья.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I (тексты), СПб., 1898; ч. II (исследование), СПб., 1900. В вышедшей позже работе того же автора «К истории орошения Туркестана» (СПб., 1914) были в основном пересмотрены только вопросы, связанные с орошением Самарканда.

² В. В. Бартольд. Джу-и арзис. «Туркестанские ведомости», 1904, № 45.

³ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII. Самарканд, 1902.

⁴ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4. К сожалению, некоторые положения в статье не подкрепляются указанием на источники.

М. Е. Массон склонен считать, что «медина», о которой пишут арабоязычные географы X в., соответствовала современному Афрасиабу, с чем нельзя не согласиться¹.

Самые ранние письменные сведения о размерах Самарканда восходят ко времени около 630 г., когда проезжавший мимо Самарканда китайский паломник Сюань Цзан писал, что окружность города 20 ли². М. Е. Массон, принимая «ли» за $\frac{1}{2}$ км, вынужден был на чертеже, приложенном к статье, предположительно нанести стену Самарканда, окружность которой была бы равна 10 км. Думается, что «ли» во время Сюань Цзана было значительно меньшей величины — около $\frac{1}{3}$ км³, о чем достаточно убедительно свидетельствуют данные дорожников, приведенные тем же автором⁴. Если это так, то окружность Самарканда VII в. была около 6 км, что соответствует окружности Афрасиаба.

К началу X в. город значительно разрастается. По словам Ибн ал-Факиха, он состоял из рабада, «медины» с четырьмя воротами и «внутренней медины» с цитаделью; здесь же приводятся размеры занимавшейся ими площади: рабад — 6000 джеривов, «медина» — 5000 джеривов, «внутренняя медина» — 2500 джеривов⁵. М. Е. Массон, приведший эти цифры, почему-то не решился сделать попытку определить истинные размеры этих частей города (принимая во внимание, что «медина» с четырьмя воротами, несомненно, соответствует Афрасиабу), сославшись на то, что размеры джерива неизвестны⁶. Однако мы можем решить вопрос о размере джерива в Самарканде в X в., так как площадь Афрасиаба известна — 218,9 га⁷. Остается выяснить, какую часть Афрасиаба занимала «внутренняя медина»; вероятнее всего, она соответствует территории к северу от третьей внутренней стены⁸. Площадь ее относится к остальной части Афрасиаба примерно как 1 : 2, что вполне соответствует данным Ибн ал-Факиха. Следовательно, площадь всего Афрасиаба равна 5000 джеривов плюс 2500 джеривов, в общей сложности — 7500 джеривов. Округленно получаем, что джерив равен 290 кв. м. Теперь можно определить также площадь рабада: 6000 джеривов = 175 га⁹.

¹ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 162.

² Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois l'an 648 par Hiouentsang et du chinois en français par Stanislas Julien, v. I, Paris, 1857, стр. 20.

³ Чжу Кэ-чжен. Вклад китайских ученых в астрономию в древние и средние века. «Природа», 1953, № 10, стр. 72.

⁴ Так, от Кабудана (Кабуданджикет — селение в 15 км севернее Самарканда) до Бухары Сюань Цзан указывает расстояние в 900 ли, что соответствует 250—260 км; следовательно, в этом случае «ли» равняется 300 м. Такая величина «ли» оказывается правильной и для отдельных отрезков маршрута: например, от Кабудана до Кушани — 300 ли (90 км), от Бухары до Фати (Фарьяб?) — 400 ли (100—110 км; Mémoires sur les contrées occidentales..., стр. 20—22). Сюань Цзан пишет также, что окружность Термеза — 20 ли (там же, стр. 23). В. А. Шишкин считает, что Термез до VIII в. занимал территорию «калы» и участков А, Б и I (В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. ТАКЭ, ч. I, Ташкент, 1940, стр. 150, 151). Окружность этой части города равна 5,5—6 км.

⁵ BGA, V, стр. 326.

⁶ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 163.

⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

⁸ О внутренних стенах города см. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 6—11. О территории внутреннего города см. также М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 162.

⁹ Интересно, что полученные таким образом данные почти совпадают с размерами «дихканского» джерива в Исфагане: как пишет Ибн Русте (BGA, VII, стр. 160, 161), он равнялся 1440 кв. локтям, т. е. приблизительно 360 кв. м, если считать локоть равным полуметру (в действительности он, вероятно, был несколько меньше). Этот джерив, несомненно, — $\frac{1}{10}$ большого джерива в 120×120 локтей по полметра или 60×60 больших локтей. О джериве 60×60 локтей по 9 кабд (около метра) сообщает Ибн Хаукаль (BGA, II, стр. 216, а также BGA, I, стр. 157).

К концу X в. город разросся еще более; по свидетельству Ибн Хаукаля рабад находился не только к югу от шахристана, но и к северу от него¹, а ал-Мукаддаси пишет, что «медина» — шахристан находится в середине Самарканда², из чего можно заключить, что рабад окружал ее со всех сторон. Ко времени монгольского завоевания, очевидно, была уже заселена вся территория так называемого «старого города». М. Е. Массон считает даже, что Тимур в XIV в. построил не новую стену вокруг города, а лишь отремонтировал старую³.

В. В. Бартольд казался, что ряд вопросов, связанных с взаимным расположением шахристана и рабада, запутан неточными описаниями средневековых географов: «Гораздо менее ясны сведения о стенах рабада... Стена рабада начиналась за «Согдийской рекой»; река протекала «между рабадом и шахристаном» и в то же время «служила для рабада как бы рвом с северной стороны». Все эти подробности едва ли поддаются объяснению и едва ли соответствуют действительным топографическим условиям»⁴.

М. Е. Массон указал уже, что В. В. Бартольд в данном случае неверно считал «Согдийской рекой» Зеравшан, тогда как это название прилагалось к Сиобу, протекающему у северной стены Афрасиаба⁵. Но дело здесь не так просто, как кажется на первый взгляд, ибо несомненно, что в большинстве случаев «Согдийской рекой» назывался именно Зеравшан. М. Е. Массон не учел того, что Сиоб арабоязычные географы называют وادی السغد و نهر السغد, что скорее можно перевести как «Согдийский канал».

Проследим это на примерах.

В первом случае, упомянутом В. В. Бартольдом, Ибн Хаукаль пишет:

سور الریض ممتد من وراء وادی السغد من مكان يعرف بافشينة على باب كوهك ...
ثم الى باب غداود ثم يمتد الى الوادی والوادی للریض كالخندق

— «Стена рабада тянется от согдийской реки (Вади ас-Сугд) из местности, называемой Афшина, до ворот Кухак⁶... , затем к воротам Гадавад, затем тянется к реке (вади), и река (вади) как бы служит рабаду рвом»⁷. Как мы видим, в данном случае В. В. Бартольд совершенно прав, считая, что «Согдийская река» — Зеравшан, поскольку описание стены рабада у Ибн Хаукаля соответствует расположению ее развалин, известных под названием «Дивари кыямат»⁸. В. В. Бартольд ошибся только, переведя предлог من وراء — как «из-за», тогда как предлог وراء переводится не только «за», но и «перед», что в данном случае соответствует реальным условиям. В другом случае в тексте упоминается «нахр ас-Сугд»: «А «медина» рядом с рабадом, и она находится около «нахр ас-Сугд», который (течет) между рабадом и «мединой»⁹ هو بين الریض والمدینة

Несомненно, что здесь имеется в виду Сиоб.

Заканчивая этот раздел, хотелось бы возразить против распространенного убеждения, правда, не высказанного в печати, будто шахристан Самарканда, как и шахристаны других раннесредневековых городов Средней Азии, был застроен так плотно, что в нем было мало или даже не было

¹ BGA, II, стр. 366.

² BGA, III, стр. 278.

³ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 165.

⁴ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. ЗВО, т. XIX. СПб., 1914, стр. 107.

⁵ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 163.

⁶ Опущено перечисление ворот в стене рабада.

⁷ BGA, II, стр. 366, 367.

⁸ В. Л. Вяткин. Материалы к историч. географии Самаркандского вилайета, стр. 21.

⁹ BGA, II, стр. 366.

совсем зелени. Ибн Хаукаль определенно говорит о садах в шахристане Самарканда¹, а у Ибн ал-Факиха кухендиэ Самарканда сравнивается по плодородию с Гутой Дамаска и окрестностями канала Убулла близ Басры².

2. БУХАРА—НУМУДЖИКЕТ

Историческая топография раннесредневековой Бухары изучена несравненно хуже, чем Самарканда, и у нас нет данных, которые могли бы чем-нибудь дополнить существующие представления о ней. Поэтому коснемся только вопроса о втором названии Бухары—Нумуджикет. Ал-Истахри пишет: «Что касается Бухары, то название ее Бумиджкас»³.

Ибн Хаукаль повторяет это, несколько изменив последовательность изложения: «Бухара. В ней резиденция власти всего Хорасана..., а что касается ее названия, то оно — Бумиджкас»⁴.

У ал-Мукаддаси читаем: «Нумуджикет — столица Бухары, напоминает Фустат гнилостностью и чернотой почвы и обширностью базаров...»⁵.

То же самое пишет ал-Якут, источником сведений которого в данном случае служили, вероятно, эти же авторы⁶.

Вероятно было бы предположить, что Нумуджикет является старым названием города, а Бухарой именовался весь оазис, и лишь впоследствии это название стало относиться только к центру оазиса. Это тем более соблазнительно, что в китайских источниках, освещающих время перед арабским завоеванием, столицей княжества Ань назван город Нью ми⁷. Ат-Табари, который при написании разделов о завоевании Мавераннахра пользовался ранними источниками, не дошедшими до нас, не упоминает Бухару как город (в части, касающейся походов Кутейбы ибн Муслима), но пишет о завоевании (в 707 г. н. э.) города Нумушкета, что, несомненно, является вариантом написания Нумуджикет⁸. Двойное название Бухары неоднократно привлекало внимание исследователей; нам хотелось бы только отметить, что на картах в географических сочинениях X в. Нумуджикет встречается вместе с Бухарой, причем Нумуджикет помещается на правом берегу Руди Зера, а Бухара — на левом; это дает основание думать, что Бухара и Нумуджикет были двумя различными городами, которые слились воедино (рис. 5). В VIII—X вв. город называли то Бухарой, то Нумуджикетом, впоследствии же второе название было забыто.

Эту интересную проблему еще предстоит решить историкам и археологам. Мы ограничиваемся сейчас лишь постановкой вопроса.

3. КУШАНИЯ

Город Кушания в кушано-эфталитское время был одним из крупнейших в Согде, но к X в. значение его, вероятно, сильно упало, и в источниках, относящихся к этому времени, говорится о нем скупо. Мы коснемся лишь вопроса о возможном местонахождении города, которое до сих пор неизвестно археологам.

¹ BGA, II, 366.

² BGA, V, стр. 105.

³ BGA, I, стр. 305.

⁴ BGA, II, стр. 355.

⁵ BGA, III, стр. 280.

⁶ Jacut's geographisches Wörterbuch, Bd. I, Leipzig, 1866, стр. 517.

⁷ E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903, стр. 136. Автор пишет в указателе к слову Нумуджикет: «Я называю этот город столицей области Бухара, согласно Бартольд — «Die Altürkische Inschriften und die arabische Quellen» (стр. 7). Но это утверждение мне кажется сомнительным». Сомнение Шаванна, как мы могли видеть, безосновательно, и В. В. Бартольд, конечно, прав.

⁸ См. W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, I, Sogdiana. Wien, 1877, стр. 106.

В. В. Бартольд помещал Кушанию недалеко от слияния двух рукавов Зеравшана: Ак-Дарьи и Кара-Дарьи у кишлака Кашан-ата, близ селения Исабой¹. В 1934 г. А. Ю. Якубовский обследовал этот район, но не нашел

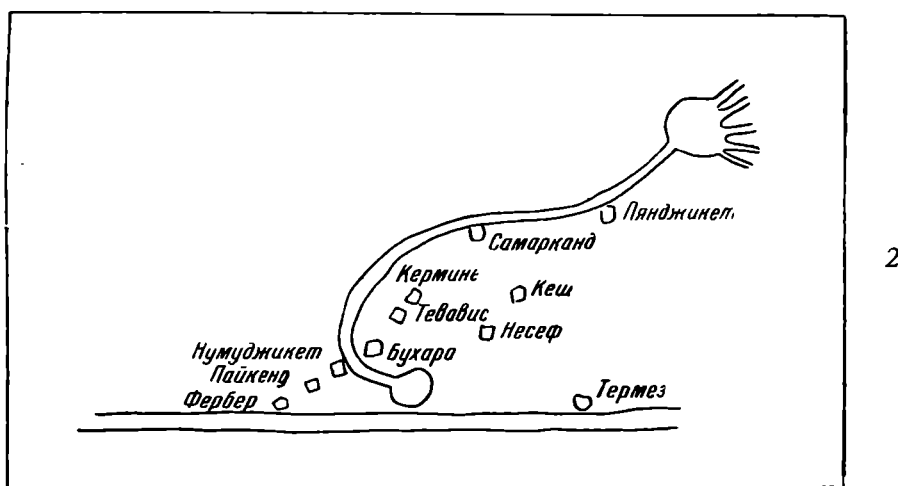
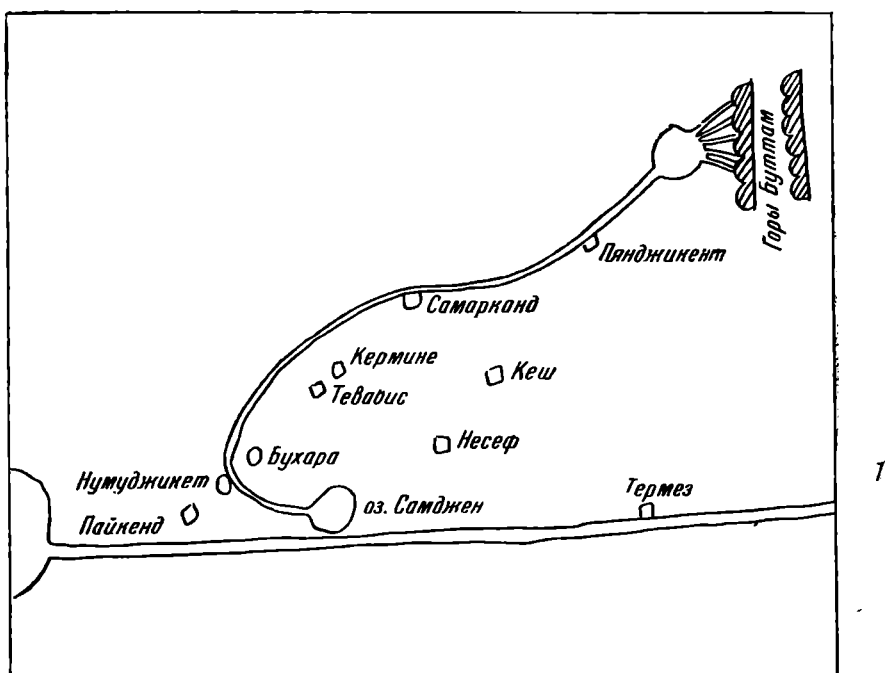

Рис. 5. Карта из географии ал-Балхи.

(1 — Болонья; 2 — Берлин).

никаких следов городища, из чего заключил, что оно, вероятно, размыто Зеравшаном². Благодаря экспедиции А. Ю. Якубовского в 1934 г. стало известным местоположение одного из пунктов, расстояние от которого приводят нам дорожники X в.; поэтому мы можем внести некоторые уточнения. Известно, что от Дабусии до Кушании считалось 5 фарсахов (т. е. около 37 км)³ и от Кушании до Иштихана также 5 фарсахов (Иштихан

¹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, Пг., 1922, стр. 18.

² А. Ю. Якубовский. Зеравшанская экспедиция (из дневника начальника экспедиции) 1934 г. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 158, 159.

³ ВГА, II, стр. 403.

находился, вероятно, около современного населенного пункта с тем же названием). Следовательно, Кушанию надо искать посредине между этими пунктами, т. е. в 12—15 км к востоку от места слияния Ак-Дарьи и Кара-Дарьи. Было бы очень интересно обследовать этот район.

4. ХАЗАРА

К числу интересных городищ, обследованных А. Ю. Якубовским в 1934 г., относится Хазара, находящееся около одноименного кишлака в 30 км к западу от Кермине. Особой известностью пользуется хазаринская мечеть, старейший архитектурный памятник подобного рода на территории Средней Азии. А. Ю. Якубовский писал в отчете: «Что же это за городище? Как в древности оно называлось? Можно ли считать его имя Хазара существовавшим в то время, когда ее замечательная мечеть была выстроена? Вопросы эти сложные, и сейчас дать ответ на них я не решаюсь»¹.

Город Хазара в письменных источниках, действительно, не упоминается, но авторы IX в. Ибн Хордадбех и Кудама пишут о городке Кукшибаган (Ибн Хордадбех) или Кук (Кудаме), находившемся в 4 фарсах к западу от Кермине, что соответствует положению городища Хазара. А так как поблизости нет другого городища, которое могло бы быть принято за развалины Кукшибагана, то вероятнее всего, что городище около селения Хазара является развалинами Кукшибагана.

Кудаме Ибн Джа'фар пишет о нем следующее: «От Тевависа до Кука три фарсаха, и это селение, из которого царь турков выступает в набеги, а с юга от этого места (находятся) горы, тянущиеся до Китая, и от Кука до Кермине 4 фарсаха»². Ибн Хордадбех сообщает еще меньше: «Затем до Тевависа 3 фарсаха, затем до Кукшибагана 6 фарсахов, а к югу от этой местности Китайские горы. И от Кукшибагана до Кермине 4 фарсаха»³. Из слов Кудаме можно заключить, что в Кукшибагане соборной мечети как будто не было, ибо он называет его селением — «карьят».

А. Ю. Якубовский на основании изучения подъемной керамики сделал заключение, что жизнь на городище прекратилась в X в.; следовательно, мечеть должна была быть выстроена раньше. Однако в одной из последних работ В. Л. Воронина, анализируя архитектуру мечети, датировала ее постройку концом X в.—началом XI в.⁴ Эту датировку трудно опровергнуть одной лишь ссылкой на мнение А. Ю. Якубовского, так как керамика X—XI вв. пока еще не настолько хорошо изучена, чтобы можно было надежно отделить керамику X в. от изделий XI в. Гораздо большее значение имеет тот факт, что ни в одном из географических сочинений X в. Кукшибаган уже не упоминается; не упоминает его и Нершахи. Вряд ли это случайно; вероятно, в X в. город, действительно, доживал свои последние дни, и очень сомнительно, чтобы в такое время стали воздвигать в нем соборную мечеть. Думается, что более раннюю датировку А. Ю. Якубовского пока нельзя считать опровергнутой.

5. КАНАЛ САМДЖЕН

К числу неясных вопросов в исторической топографии Бухарского оазиса относится вопрос об отождествлении канала Самджен, упоминаемого во многих письменных источниках, с каким-либо из ныне существующих каналов.

¹ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 141.

² ВГА, V, стр. 203.

³ ВГА, VI, стр. 25, 26.

⁴ В. Л. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 119.

В. В. Бартольд ни в работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ни в «Истории орошения Туркестана» не пытался локализовать его.

Известно, что канал проходил мимо селения Шарг, расположенного примерно посредине пути из Бухары в Тевавис¹ (в связи с этим канал назывался иногда Шарг), затем мимо Пайкенда и оканчивался болотистой низменностью или озером Самджен, которое называлось также Каракуль². В. А. Шишкин считал возможным отождествить его с каналом Рометан³; такого же мнения придерживается и А. А. Семенов⁴. Однако это отождествление представляется нам неосновательным — канал Рометан не соответствует данным, известным о Самджене.

Единственный водный поток в Бухарском оазисе, соответствующий, на наш взгляд, всем перечисленным выше условиям, — это Каракуль-Дарья, т. е. Зеравшан ниже головы канала Шахруд. Предположение кажется сначала несколько странным, поскольку мы привыкли считать Каракуль-Дарью основным руслом Зеравшана в самом нижнем его течении. Но в X в. основным руслом считался нынешний канал Шахруд, который отнюдь не уступает Каракуль-Дарье по многоводию, если не превосходит ее. Географы X в. пишут, что «Согдийская река» протекает через Бухару⁵. Это отражено и на географических картах того времени: на них Бухара расположена на Зеравшане, а Пайкенд не к востоку от него, а к западу, что становится понятным, если считать основным руслом Шахруд⁶.

Если принять наше отождествление Самджена с Каракуль-Дарьей, то мы получим возможность приблизительно локализовать города Шарг и Искиджикет, что до сих пор не удавалось сделать. Город Шарг находится в 4 фарсах от Бухары по дороге в Тевавис, и, следовательно, его нужно искать в 30—32 км на северо-восток от Бухары на левом берегу Каракуль-Дарьи несколько ниже головы канала Шахруд.

¹ ВГА, V, стр. 25, 203; Нершахи. История Бухары (перевод Лыкошина). Ташкент, 1897, стр. 22.

² Нершахи. Указ. соч., стр. 28.

³ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 40.

⁴ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. «Советское востоковедение», т. V, 1948.

⁵ ВГА, II, стр. 355.

⁶ K. Miller. *Mapae arabicae*. Bd. IV. Stuttgart, 1929, табл. 59, № 1, 2, 3.